

СЛЕДУЮЩЕЕ КИНО

Мне до работы идти ровно тридцать минут, даже двадцать девять. И если я выйду в шесть, то там буду ровно, как оно и требуется, полседьмого. Но выйти в шесть я себя заставить не могу, хоть к креслу привязывай, выхожу в пять тридцать. Всегда. Не знаю почему. В шесть я уже на месте.

Открываю магнитной картой калитку, прохожу и направляюсь к парадному входу, попутно оглядывая фронт предстоящих работ. У меня центральная аллея. У нас с Акимычем. Он чистит от калитки с бульвара 60-летия Октября до входа, я с улица Маршала Рокоссовского тоже до дверей. У Гоши и Леша – зады: помойка, кухня, веранды и так далее. Там можно особо не надрываться, главное, чтобы машина к мусорным бакам подъехала да повариха Нина Тимофеевна в помещение попала.

А у нас, помимо дороги, по которой топают взрослые и дети, аварийные выходы. Они должны быть отдраены, и за это спрашивают строго. Особенно после того, как в торговом центре сгорели посетители.

Я понимаю российскую ментальность.

Вот с этих входов начинаю.

Захожу в здание садика, скидываю аляску в венткамере, которая служит нам подсобным помещением, надеваю бушлат, рабочие перчатки, беру старую, сточенную до половины дюралевую лопату, мне она нравится больше других, и иду драить выходы. На первом этаже – шесть длинных бетонных ступенек, на втором – железная лестница.

Отдраив ступеньки, я чищу снег у самого здания. От стены ровно на метр. Кто-то мне объяснял, для того чтобы влага не подтачивала штукатурку, кирпичную кладку и вообще. После этого иду на дорогу, и если там снега немного, обхожусь лопатой и скребком, а если много – вытаску из гаража огнемёт, который некоторые несознательные дворники называют говночистом, и затарахчу на всю Ивановскую.

Огнемет хранится в помещении нефункционирующего бассейна, который сейчас служит складом и мастерской рабочему по зданию Саньку. Нужно взять ключ от шестой группы, пройти ее, включить свет в бассейне, открыть железную дверь и, спотыкаясь об банки с краской, зайти. Залить бензин, если его мало, включить кнопку «вкл.», повернуть направо рычажок пускателя, вытащить снегочист на улицу через другую дверь, нажать пару раз на «подсос», дернуть за веревочку и наслаждаться.

Я методично хожу полосами, начав от стены и направив пластиковое сопло на другую сторону, на газон. При моем маниакально-депрессивном психозе методичность – наслаждение.

Железные шнеки загребают снег. Снежная пыль летит в лицо. Там, где его много я упираюсь в рукояти всем телом, проталкиваю машину вперед.

Там, где мало – снегочист прет сам.

Хорошо.

Правда, хорошо.

Отбахав свою территорию, я для порядка пройду пару-тройку кругов по всему садику, заглушу снегочист, подъехав к самым дверям бассейна, и затащу его внутрь. Предварительно почистив щеткой от снега.

Тщательно.

Сниму перчатки, шапку, бушлат и зимние ботинки. Надену старые теплые, уютные кроссовки, поставлю чайник, вытащу из рюкзака книжки и печенье.

Забыл сказать, по дороге я захожу в магазин, чтобы купить себе чего-нибудь пожевать. Иногда пачку печенья – с чаем, иногда три банана, иногда два-три глазированных сырка. Сегодня, когда я выходил из магазина, навстречу мне попались два паренька с открытым пивом. Один из них, увидев себя в витрине, провел рукой по волосам и спросил другого: если я сделаю мелирование, ты будешь со мной разговаривать?

Что ответил приятель, я уже не слышал.

Попив чаю и почитав книжку «Поле Родины» (сборник писателей-деревенщиков, в серии «Сельская библиотека Нечерноземья»), я прилягу часов в двенадцать, предварительно обойдя территорию и проверив калитки, на диван в коридоре, но, как всегда, не сумею уснуть и долго буду придумывать сюжеты для кино, которое когда-нибудь сниму.

Первый фильм – «Деревенский Гамлет», про соответственно деревенского паренька, которому было дано много, но он все профукал (тут слово покрепче). Но совершенно от этого не расстроился, не спился, а, наоборот, набрался посконной народной, крестьянской мудрости, среднерусского буддизма и решил, что так лучше. Для него. Для всех. А особенно для спивающегося с круга соседа Джимми. Умный, крепкий, сидит в клетчатой рубахе за столом летней кухни, курит, узловатые темные руки. Нервный, издерганный, язвительный Джимми крутится у забора, тоскует от недопива и пристает к герою.

Героя может сыграть Машков.

Я кручу сюжет, продумываю детали и, наконец, сладко задремываю...

Тут срабатывает сигнализация – третий шлейф – кухня и четвертая группа, я подскакиваю как ужаленный, сердце колотится в горле, руки дрожат, на лбу испарина. Нажимаю «сброс» и ложусь на ватных ногах обратно. Точнее, почти падаю.

Первый фильм я уже не помню, поэтому начинаю придумывать кино про воровку на покое, живущую в южном городе, бросившую

сорок лет назад дочь, которая ее разыскивает. Там целый каскад событий, какой-то православный поп с крестом и кадилом, бывшая подельница воровки, ее играет Крючкова, а саму воровку – Чурикова, дочка, стрельба, поножовщина... и просыпаюсь неизвестно от чего.

На часах в телефоне два ночи. Два десятка.

Подниматься окончательно и идти открывать ворота хлебному фургону мне в четыре тридцать утра, значит, можно полежать еще пару часиков.

Следующее кино – про тоскующих по Питеру. Огромное количество провинциального народа не устает повторять: ах, Питер, ах, Питер. Вот про них. Как они едут на поезде в Северную столицу и что из этого получается. Можно попросить Бориса Гребенщикова сняться в эпизоде: например, он возвращается с гастролей из города Пензы и постоянно бежит в туалет, натываясь на этих провинциалов.

А они его не узнают.

Или узнают...

Звонит будильник в телефоне.

Я, стараясь не спеша, чтобы не ухало в голове, поднимаюсь, напяливаю кроссовки и иду в туалет умываться.

Потом, накинув бушлат, прямо в кроссовках, открывать ворота.

Ставить чайник.

Разговаривать с поварихой Ниной Тимофеевной.

Закрывать ворота за уехавшим Робертом.

Ждать дежурного воспитателя.

Даже чувствовать себя частью коллектива.

Здороваться.

Ждать окончания смены. Самые томительные минуты.

Еще ждать.

Листать книгу, особенно ни на чем не задерживаясь.

Радоваться и томиться.

Радоваться предстоящим выходным. Томиться от адского недосыпа и легкого головокружения.

Жить, в общем.

МАМЕНЬКИН СЫНОК

Когда-то он любил красавицу.

Асю.

Собственно говоря, не так давно, каких-нибудь десять-одиннадцать лет назад.

А теперь он приходит с традиционной прогулки, кладет сумку на тумбочку в коридоре – сумка безвольно оседает, как бы выдыхая, – потом моет руки и ест приготовленный мамой ужин.

Дурацкая сумка, почти хозяйственная и почти женская. Совершенно непонятно, почему с ними стали ходить мужики. Из качественного кожзама, с двумя ручками. С какой-то перфорацией. Мама подарила на прошлый день рождения.

Он ходит.

Мама его, тетя Маша, за здоровый образ жизни, поэтому на ужин: две картофелины, кусок рыбы, спаржа или как ее там... Сок... И не тот, что набит сахаром под завязку, из ближайшего магазина, а свежавыжатый. Морковный.

Он ест.

Дорого? Конечно. Но если брать всего помаленьку, по чуть-чуть, то даже их с мамой совместного скромного бюджета хватает. Или почти хватает.

Пенсионеры в этом доки. Профессионалы.

Он, кстати, тоже пенсионер, но ненастоящий, не по возрасту, а по болезни.

Пенсия – так себе, но это его не задевает. Потому что он занят настоящим делом. Исследованием. Он занимается систематизацией и классификацией родовых корней древнерусских слов в сохранившихся памятниках мировой культуры. А это целый мир! Да и еще какой! Дилетанту не понять. Дилетант думает, что он ерундой занимается никому не нужной. А это не так. Систематизация и классификация окружающего мира, а тем более корней слов – его вклад в борьбу со всеобщим хаосом. С энтропией, если хотите. Потому что задаром. То есть бесплатно. Ну, в общем, просто так – никто его не просил.

Тщательность, педантизм – его оружие. Каждый предмет на письменном столе на своем месте.

Как у Блока.

Мама это понимает. Мама вообще понимает его лучше других. Ася тоже понимала, но не так, не до конца.

Асю он вспоминает. А мама нет.

Вспоминает часто. И в зависимости от времени суток воспоминания окрашены в разные цвета. Утром – розовые, днем – кофе с молоком, вечером – фиолетовые, ночью – красные.

Мама несколько раз говорила ему, намекала, что была бы не против, если бы он познакомился с хорошей женщиной. Да и он сам не против. У них в подъезде соседка – молодая преподавательница математики, которая ему нравится. Вообще-то она всем нравится. Света. Очень милая. Не похожая на современных девушек и в то же время похожая. Одевается как фотомодель. Телефон – дорогуший. Вроде бы даже машина есть. Он пока не понял. Все никак не удается сосредоточиться.

А насчет познакомиться поближе он пробовал. Несколько раз. Почти подходил и почти начинал разговор. Ловкий. Интеллектуальный. Искристый. Как полагается с такой барышней. Один раз прямо в подъезде, Света выходила, а он входил. А другой – на улице, случайно встретились. И оба раза что-то помешало. Он примерно догадывался что, но не хотел признаваться даже себе.

Мама, говорит он тете Маше, я пошел работать. И действительно идет. Садится за стол, включает купленный матерью ноутбук и погружается в чудесный мир.

Где-то шумит вода – мать затеяла стирку. Где-то бурлит людское варево. Ему все равно – он занят делом. И только иногда, глубоко, мелькнет тень сомнения. Мелькнет и исчезнет. Это единственное, что портит безмятежность происходящего.

А тете Маше нормально, она в своем праве – сыночек накормлен, обстиран и при деле, а то, что жены нет, так это дело наживное, чай еще не старый. А не найдет, так и не надо. Сами как-нибудь проживут.

Да и не «как-нибудь», а хорошо.

Дружно.

А то, что их в доме, пятиэтажке, не любят – пусть. Когда-нибудь они переедут в другой дом – новый и просторный, где никто не будет знать, что ее сынок зарубил свою жену. Тем более он свое уже отсидел, в том смысле, что отлежал.

Почти десять лет.

По городским и областным дурдомам.

ЛЮБОВЬ

Пили спозаранку.

Сергея Кипятков и Вася Пяткин. Дома у Васи.

И не похмелялись, как можно было подумать, а принципиально.

И вели философские беседы.

Сергея Кипятков говорил: ты заметил, какая редкость любовь? И это несмотря на то, что кругом ее разлиты просто океаны?

Еще бы, отвечал Вася Пяткин, я-то как раз и заметил.

Это почему?

А потому.

А-а...

Выпивали по рюмке текилы. Кипятков просто так, а Пяткин по науке, с солью и лимоном, хоть это и пошлость невероятная.

Сергея вздыхал, глядя на него, потом сетовал: Леха умер, а я каждый день посуду мою... Как раньше...

Ну и что?

А то! Ничего не изменилось. Как будто он и не жил.

Не вижу связи.

Потому что ты дурак.

Ах, в этом смысле... А ты тогда не мой, пользуйся одноразовой, как я.

Не могу, все мои знакомые мужчины средних лет совершенно не следят за бытом.

А?

Грязно у них дома, говорю, зайдешь, вонь – аж с ног сшибает, и везде узкие тропинки.

Куда?

В туалет и к водопою.

Кстати.

Вася идет в туалет, а когда возвращается, Сергей уже разлил по новой.

Руки помыл?

Нет.

Почему?

Дык у меня там все чисто.

Иди помой.

Да зачем?

Затем.

Пяткин уходит в ванную комнату, а Кипятков задумывается.

Васек возвращается, показывает Сергею чистые руки, имитируя сцену из фильмов «Джентльмены удачи» или «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», сейчас уже непонятно, садится за стол, берет рюмку.

Они чокаются и молча выпивают.

Жизнь... продолжает Серега, развивая тему необратимости бытия.

Да... поддерживает его Вася... а вот Котик?

Что Котик?

Ну Котик.

Это какой?

Который в театральной студии занимается в ДК им. Крафт-Эбинга.

А чего с ним?

Выдающаяся личность, несмотря на то что ему только тринадцать с половиной лет.

Серега соглашается, Котик вообще да. Мы тут с ним недавно в метро виделись, так он меня поразил в самое сердце. Идет такой – в очках, с портфелем, сосредоточенный и в джинсах. Главное, меня джинсы синие поразили, я у него спрашиваю: ты чего? А он в ответ: а у меня под ними еще трико. Трико, представляешь?

Сильно!

Очень!

Учитывая, что на улице плюс шестнадцать.

И дождь.

И дождь.

Выпивают еще по рюмке. Надолго замолкают. Слышно, как за одной, кухонной, стенкой сосед играет на шестиструнной гитаре и поет русскую народную песню «Естудей», а за другой – коридорной – жарят котлеты и привычно матерятся Сидоровы. Слышимость изумительная – хрущевка. Друзья еще некоторое время внимают исполнению, наслаждаются, затем Серега спрашивает: а ты помнишь, я в Танюху Ильченко был влюблен?

В школе?

Да.

Помню. А что?

Так.

Нет, а все-таки?

Интересно, что сейчас с ней.

Так ты спроси.

У кого?

У меня.

?

Чего «?», я ее каждый день вижу.

Не свисти, это я тебя каждый день вижу, значит, и ее бы видел.

Что вы говорите?... Это потому что ты ее как Ильченко помнишь, а она сейчас Пусикова. По мужу. По второму, кстати.

А-а...

Ага.

С бабами вечно так: помнишь ее как Ильченко, а потом – хренак, и она Пусикова. По второму мужу, а по первому как?

Понятия не имею.

Узнай!

Зачем?

Ну, так...

Да ежкин дрын! Ты что – до сих пор?

Да нет.

Да да!

Нет.

Да.

Ну ладно – да.

Это ж надо – старая любовь не ржавеет, – Вася качает головой.

Друзья наливают и синхронно выпивают – оба по-простому, без соли и лимона.

Вообще-то лайм полагается, – сообщает Вася.

Не умничай...

Некоторое время молчат. Вася то ли хочет сменить тему, то ли у него какие-то свои ассоциации, но он спрашивает: а ты помнишь бандитов братьев Французовых?

Ага.

Их потом убили одновременно.

Всех троих?

Да.

И чего?

Да ничего.

Понятно...

Сергеа встает из-за стола и тоже идет в туалет. Вася смотрит в кухонное грязноватое окно и о чем-то думает. Слышно, как Серега спускает воду в унитазе. Возвращается. Говорит: тебе бы бачок поменять.

Да ну его.

Тоже верно.

Раньше всё, помню, говорит Вася, мать с женой приставали, просто проходу не давали – сделай ремонт да сделай ремонт.

А потом?

Сам знаешь – мама умерла, а с Александрой развелся.

Да вы и женаты не были.

Какая разница?

Ну да... А Валентину Валентиновну жалко, конечно, прекрасная была женщина.

Сергеа разливает, и они с Васей допивают бутылку. Молча и не чокаясь.

Через некоторое время Серега спрашивает: еще возьмем?

Нет.

Нет?

Нет.

А как же?

Все равно не поможет.

Тут ты прав...

Хотя...

Никаких «хотя», Вася.

Ладно.

Ага.

Завтра что?

Ничего.

То есть как обычно?

Именно.

Вася с Сергеей замолкают и тихо сидят, глядя, один – в окно, а другой – внутрь себя.

На улице – раннее утро.

Денег на такси не было, и я приехал задолго до назначенного срока. На последнем автобусе, по крайней мере я так думал, но потом убедился – был еще один, в десять. Выпил чашку кофе на дорогу, у меня под стеклом на кухонном столе лежит огромная репродукция «Обнаженной» Модильяни, сунутая мной туда пару дней назад, непонятно почему. Провел пальцем ей по лобку и поехал. Приехал, стал ждать. Зашел в продовольственный, работающий 24 часа, и купил два «Сормовских пирога» по 27 рублей. Время было начало одиннадцатого, я спросил у охранника, больше похожего на постоянного клиента общего режима, в черной спецовке: пива купить уже нельзя? Нет. А где можно? Напротив киоск круглосуточный, там. У охранника лицо – все взяли от разных людей и наудачу сложили: нос, щеки, рот, глаза, лоб, подбородок и так далее. Перешел дорогу, долго пялился в бликующую витрину, купил бутылку «Жигулевского», вышел на улицу и встал за одним из свободных одноногих высоких оранжевых пластиковых столов. За соседним стояли три пацана, самый длинный рассказывал, как снимал висельника с железнодорожного моста, а за другим три чувачка приклатненного вида, которые обсуждали свои делишки. Я посередине. Самый мелкий из приклатненных, в белом пиджаке с поднятым и замявшемся на бок воротником, толстенький, кругленький, не стоял на месте. Жевал шаурму и припрыгивал. Я отхлебнул пива и куснул пирог. Справа высокий бубнил – ну вот, значит, приезжаем, а он висит, веревка длинная, ножа ни у кого нет, конечно... я пошел вниз на рельсы искать осколок стекла – веревку перерезать... она метров шесть, где он только такую взял... ага, привязал, надел петлю на шею и прыгнул... Я еще отхлебнул пива и куснул пирога. Тепло. От киоска падет свет – освещает нас, дальше – темно, потом дорога. Посмотрел на блатных, они почти допивали. ... Перерезали, а я снизу хотел подхватить, ну или поймать, что ли... не сумел, конечно – упал, в общем... молодой пацан, лет 17. Из-за несчастной любви, прокомментировал лысый спутник высокого рассказчика... Я отвернулся. Блатные закруглились и ушли, бросив мусор в переполненную картонную коробку около моей левой ноги. Потом закончили соседи справа, я перешел за стол блатных – он был почище, а высокий рассказчик, проходя мимо меня, показал поднятый вверх большой палец, все, мол, путем, я кивнул. Хлебнул пива. Убрал остатки пирога в карман, чтобы закусить перед встречей – неудобно с пивным запахом. Из киоска вышел нерусский парень с бутылкой и заозирался в поисках стола почище. Я показал, иди сюда, он поблагодарил движением головы и подошел. Положил на стол орешки. Опять кивнул, угощайся. Заговорил на незнакомом языке с женщиной из соседнего ларька. Потом обернулся ко мне и объяснил: я казах, это моя землячка, я спросил,

почему они не убирают со столов: чистые столы – больше клиентов. Все это он произнес с чудовищным акцентом и сильно коверкая слова. Потом сообщил, что в Россию приехал всего 20 дней назад, работает пекарем в пекарне, снимает квартиру на Автозаводе, встает в 4.30 утра, а домой приезжает в девять. Мне стало интересно, как он сейчас, в одиннадцать ночи, собирается добираться до дома. Он ответил: или на такси, или здесь заночует, на вокзале. Я допил пиво, пожелал ему удачи попрощался и пошел в здание. Выложил ключи от квартиры на серый пластиковый подносик, миновал арку металлоискателя, приблизился к табло. Рядом стояли люди с чемоданами на колесиках – мне всегда хотелось такой – я тосковал по путешествиям. Сесть было негде. До нужного мне поезда было еще изрядно, и я отправился искать туалет. Сначала нашел для инвалидов, подергал ручку – заперто. Затем спустился вниз и обнаружил обычный. По билетам бесплатно, без билетов – 30 рублей. Зашел – умылся. Вернулся, нашел зал ожидания, сел на свободное кресло. Вокруг меня было человек десять-двенадцать, судя по всему, приехавших давно – сидели прочно, уютно и как-то вписано в обстановку. Всех их я потом увидел на перроне среди встречающих. Сидел, мечтал. Когда подошло время – на табло появились цифры прибытия, – двинул. Выйдя к рельсам, примерно прикинул, где будет 10-й вагон, и не ошибся. 10-й остановился около меня как вкопанный. Перед этим поболтал с пацаном, который сказал, что встречает жену, она едет в 17-м, и что вагоны маленькие. За моей спиной две девчонки лет по двадцать мыли окна с лестницы и разговаривали матом. В основном о том, как им это все надоело, как неудобно мыть и как мало платят. Мат был молибденовой плотности, я аж зажмурился – они заметили и засмеялись. Сделал пару шагов в сторону. Девчонки слезли с лестницы и, таща ведра, скрылись в здании вокзала. Я посмотрел на телефон 11.56, послышался звук поезда. Через пару-тройку минут он подъехал, слепя огромной фарой (я спрятался за колонну), остановился с каким-то типичным диккенсовским звуком, и из открывшейся двери сразу вышла Юза. Я видел ее первый раз. Я слегка смутился и одной рукой обнял, а другой взял с плеча рюкзак. Мы пошли на улицу...

У нее было узкое девичье девятнадцатилетнее тело (абсолютно идентичное той картинке с модильяниевской лежащей обнаженной).

Меня как будто отбросило на тридцать пять лет назад.

И на вкус она была – как персик.

СОБАКА С ГЛАЗАМИ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА

Я хотел назвать рассказ по-простому, «Последний день» или «Увольнение», а потом решил – нет, пусть будет «Собака с глазами Мишеля Уэльбека».

Предпоследняя перед увольнением смена в детском садике попала на пятницу, значит – сутки. (В субботу обязательно кто-то должен присутствовать в здании, вообще – в выходные.) Я собрал рюкзак: недельную «Городскую», бывшую «Французскую» булку (лежала в холодильнике), недоеденный сыр, банку шпрот, новый планшет и «Серотонин» Уэльбека. Уэльбек мне не то чтобы сильно нравится, но, я думаю, мы с ним писатели одного уровня. А накануне, то есть в предыдущую смену, заведующая мне даже не нахамила, а указала подлинное место в пищевой цепочке. Я, ясен хрен, мирно сидел на диване и ждал, когда все уйдут, а она, прошкандыбав мимо меня по коридору и не поздоровавшись, не посмотрев, ушла в самый дальний конец и оттуда, как бы между прочим, отдавая приказ бесправному рабу, прогнусавила специальным голосом – уберите свою территорию! Немедленно! А не сидите и не читайте книжки на диване! О! слышали бы вы, сколько ненависти и презрения было в этом «не читайте книжки». Я взбесился. Не сильно, но взбесился. И поэтому территорию убирать не стал. Более того, я еще и обматерил весь белый свет.

И вот заступил в пятницу. С пятницы на субботу. На сутки, когда, сделав все дела, можно спокойно сидеть на диване, гонять чай и читать книжку. Но не тут-то было. Я подошел к калитке садика, а она оказалась закрыта на навесной замок. Что необычно. Появившийся из-за угла сторож Леон, строя страшные гримасы, сказал: эта здесь. И свалил, счастливый. А я, зайдя в помещение, разделся, переобулся и уселся за стол заполнять журнал дежурств. Решил, посижу, подожду, когда заведующая уйдет, не может же она вечно тут болтаться, а потом притащу чайник, заварю пару пакетиков и почитаю Уэльбека.

Но она не уходила.

А я сидел и ждал.

Потом, почесав репу, все-таки принес электрочайник из вентиляционной (у нас, у сторожей, в садике нет своего помещения, и мы базиремся в вентиляционной комнате, не сказать камере), включил его в розетку и робко вытащил из рюкзака «Серотонин». Тут, понятно, сразу пришла заведующая и спросила: а вы так и не выполнили мою просьбу? Не убрали свою территорию? Я не выдержал и (сколько раз зарекался не вступать с ними в диалог!) уточнил: так это была просьба?.. (Я вас умоляю, на нее такие дешевые интеллигентские штучки не действуют совершенно. Как об стенку горох.)

Идет строжайшая проверка, продолжала она свой бубнеж, сотрудничи силовых структур проникают на территории детских садов, как-то

попадают в здания, пока сторожа убираются на улице, а потом все получают по головам. От сотрудников? – поинтересовался я. От районной администрации...

Я, конечно, сразу захотел выдвинуть встречное предложение. Раз такая тревожная обстановка, может, мне не покидать здания и стеречь сотрудников прямо на месте? Чтобы опередить? Но быстро понял, что это бесполезно, поэтому стоял и нервно тербил в руках пакет (не мой) из винного магазина «Бристоль». Хорошо, что она в этом не шарит, а то бы докопалась до алкогольного пакета (или шарит?).

Наконец, заведующая закончила инструктаж и приказала: проводите меня, и чтобы все двери были заперты! Войдете, воспользовавшись кодом! Есть, ответил я и повел ее к калитке. По дороге она мне сказала, активно педалируя время: я завтра приду поработать! В шесть часов утра! В шесть! Я вам позвоню! Да и хрен с тобой, подумал я, напугала ежа бритым лобком.

А вернувшись в садик, налил-таки чаю и открыл Уэльбека. Но тут в дверь замолотил Санек – мой друг и рабочий по зданию.

Здорово, сказал он, как оно?

А вот объясни, Санек, сразу взял я быка за рога, на фигу заведующая завтра придет «работать» в шесть часов утра? В субботу?

Да она не придет, это она чтобы тебя взбодрить.

Точно?

Нет, не точно... Может и прийти...

Я отвалился с книжкой на диване, а Сашка пошел выпиливать по просьбе поваров из огромной панели доску для всяческих операций с мукой и тестом. Как-то он ее называл, но я забыл как...

Часа через два Саня ушел, я поставил будильник в телефоне на шесть утра, рассудив, что пока иду открывать заведующей калитку – окончательно проснусь, и потихоньку стал засыпать... Да вот только хрен там... Не спится мне в садике... Что хочешь делай, не могу, и все... Промаялся полночи, под утро вроде закемарил, впал в полудрему, но в шесть зазвонил будильник. Я поднялся и поплелся в туалет умыться... Естественно, никакая заведующая никуда не пришла, но я, раз уж проснулся, взяв за дверью в предбаннике метлу и совковую лопату, отправился подметать свою территорию. Рассудив, что дети тут ни при чем.

Мел и думал.

Я всегда мету и думаю.

У меня сейчас период в жизни такой – сплошные испытания характера.

Буквально пару дней назад, после того как я разругался в дрова с барышней своей мечты и лег, расстроенный, спать, по всему району отключили отопление. Проснулся в ледяной комнате. Плюс открытая форточка – я сплю с открытой форточкой. Изо рта пар. Пощупал батареи, покачал головой. Пошел в ванную и там повернул кран горячей воды. Умылся. А потом закрыл его, только он не закрылся, а просто стал вращаться дальше – бесконечно. А общий вентиль так давно и прочно закоксован, что я даже не пытался его повернуть. В общем, пошел к соседям за ключом от подвала, перекрыл стояк и стал ремонтировать кран, слава богу, букса у меня нашлась. На каком-то этапе мне понадобилась помощь приятеля (ключ хотел попросить), но телефон как взбесился, снова и снова набирая один и тот же номер без малейшего моего участия. Плюс сломанный домофон, которым давно пора заняться, плюс еще что-то по мелочи. Плюс...

Вот об этом и думал.

Не делая выводов.

Делать выводы неинтересно – они слишком очевидны. Интереснее просто думать.

Из-под забора (рваная сетка Рабица в железной ржавой раме) вылезла небольшая синяя собака и посмотрела на меня. Клянусь, она была похожа на Уэльбека, как его печатают на обложках. Я ей улыбнулся. Она мне нет... Ушла...

Листву уже прихватило морозом, и во многих местах я срезал ее лопатой. Закончив уборку часа за два, пошел пить чай. Заведующая так и не явилась. Я еще маленько почитал после чая с овсяным печеньем (не знаю чье, нашел в нашем «сторожовском» ящике – у нас все общее) и заснул, укрывшись старой курткой. Я люблю спать черт-те знает где, укрывшись подручным материалом, мне это представляется очень уютным и романтичным. Я чувствую себя кем-то вроде несильно постаревшего Гавроша.

Во сне, вернее в полусне, я думал об увольнении из садика, жареных котлетах, бульоне и почему-то алкоголизме. Дня за три до описываемых событий у меня вышел спор с одним приятелем о пьянке. Я утверждал, что нельзя просто так называть себя алкоголиком – это диагноз, а не болтовня, и профанация алкоголизма такая же гнусность, как, скажем, профанация рака. И стебаться над ним нельзя по этим же причинам.

Затем я окончательно заснул.

Но ненадолго.

Проснулся минут через двадцать, полежал, слушая, как работает огромный садиковский промышленный холодильник, точнее, целая холодильная комната с тяжелой толстой, обшитой металлом дверью, сел и стал читать «Серотонин»... И снова пить чай... И ждать заведующую... или Сашку... или Счастья, в конце концов...

А Уэльбек... что Уэльбек? Как всегда – я вставил ей в анус и стал интенсивно двигаться, но она соскользнула, повернулась, взяла в рот, и я мгновенно кончил...

Другого-то я и не ожидал.